
Дия Сёмина
Я МАМА ВАШЕГО ВНУКА
или КАК СПАСТИ РЕПУТАЦИЮ 2

Дия Сёмина

Я мама вашего внука, или Как спасти репутацию

https://litres.ru/74828829
SelfPub; 2026

Аннотация

Очнулась в теле несчастной, брошенной жены с младенцем на руках. Вокруг нищета, трущобы, не понимаю, как выжить, и почему вообще оказалась в таких невыносимых условиях. В газете сообщили о якобы гибели мужа, и свекровь обвинила меня? Нет, всё не то, чем кажется, ведь я в теле наивной девушки, которая нашла способ отстоять честь и не позволила мужу себя ограбить. Теперь мне предстоит выяснить все тайны этого семейства-серпентария, и не поддаться на провокации шикарного дяди моего «мужа-двоеженца».

Вторая книга серии "Как спасти репутацию".

Сюжет отдельный, но знакомые герои нас снова порадуют.

Альтернативная Российская империя. История попаданки. Мир без магии, любовь, романтика и приключения. Интриги и тайны. Становление героини. Детектив

Содержание

Глава 1. Семья моего сына 4
Глава 2. Выбора всё равно нет 15
Глава 3. Шанс 24
Глава 4. Марк Юрьевич 34
Глава 5. Игры разума 42
Глава 6. Хозяин положения 50
Глава 7. Попалась птичка 61
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Дия Сёмина
Я мама вашего внука, или Как спасти репутацию

Глава 1. Семья моего сына

— После всего, что случилось, у тебя ещё хватило наглости заявиться и умолять о содержании? — Зинаида Юрьевна пронзила меня взглядом, полным ненависти. Будь её воля, я бы прямо сейчас вспыхнула, как чучело Масленицы, сгорела дотла и навсегда исчезла из её жизни. Чтобы не напоминать о том, что стряслось с её сыном. И, как мать, я прекрасно её понимаю: я бы здесь тоже не стояла и не терпела унижений, не будь у меня на руках маленького ребёнка, о котором я должна позаботиться. А иного выхода, кроме как умолять свекровь о помощи, нет.

— Я не ради себя, а ради Даниила Тимофеевича…

— НЕ СМЕЙ! Слышишь?! Не смей давать своему отпрыску отчество моего сына. Это не доказано, мой мальчик не признал ребёнка… Сколько вас таких ещё будет!

Градус разговора близок к точке кипения, и я едва сдерживаюсь, чтобы не поддаться накалу страстей:

— Признал. Вот бумага. Пожалуйста, не делайте из меня проходимку, злодейку и попрошайку. Жизнь иногда…

Обманывать я не умею и замолкаю. Не за себя прошу — за ребёнка, и только это меня сейчас оправдывает. Ведь на самом деле Зинаида Юрьевна права — сто, тысячу раз права.

Я не жена её сына и никогда не видела отца Дани. Потому что несколько месяцев назад, сразу после того, как «добрые» люди вручили настоящей Татьяне статью с печальным известием о трагической гибели её горячо любимого мужа, она не справилась с горем, и в её теле очнулась я. Тоже Таня, тоже мать, только из другого мира. Я сильнее, во мне нет гордыни, и мне не стыдно стоять здесь и просить принять внука в семью. Чтобы он вырос счастливым, здоровым и получил хорошее образование. Мне приходится требовать у родственников то, что малыш должен иметь по праву, — всё то, чего я сама не смогу ему дать. Потому что у меня нет ни денег, ни сколько-нибудь устойчивого положения в обществе. У меня в этом мире вообще ничего нет, кроме свидетельства о браке с Тимофеем Матвеевичем Дорониным.

Цель моя проста, и я не выйду из этого кабинета, пока не получу помощь. Потому что дома меня ждёт голодный сын.

— Поражаюсь твоей дерзости. Заявилась, требуешь денег и содержания. А ведь когда-то настроила моего мальчика против семьи. Ты причина нашей ссоры и всего, что случилось после… Но я тебе так скажу: перед поездкой он приходил ко мне, просил прощения и поклялся, что брак с то-

бой — фикция. Вы не венчаны, так что все твои бумажки ничтожны. Убирайся, пока я не велела тебя вышвырнуть.

Слушать эти жестокие обвинения ужасно. Но в них нет ни слова правды: Тимофей Матвеевич разругался со своей семьёй в пух и прах задолго до встречи с настоящей Таней, задолго до рождения Дани, и свекровь прекрасно это знает. Да что там — все знают, из той же газеты: уж там расписали…

— Вы правы. Простите, что напомнила о себе и о вашем внуке — единственном сыне Тимофея. Я вам его даже не покажу. И сама его подниму. Пусть он не получит ни блестящего образования, ни статуса в обществе, зато никто не будет вот так упрекать его в преступлениях, которых мы не совершали. Прощайте. Когда опомнитесь и поймёте, что Даня — продолжение вашего горячо любимого сына, будет поздно. Он не захочет с вами знаться. Винить вам стоит не меня, а себя. С таким-то характером…

— Замолчи, ненавижу… Ты ведьма, точно такая же, как моя мачеха, но я вас вижу насквозь! Ты обморочила моего мальчика, сбила его с пути истинного.

— Вас в какую степь понесло? Какие ещё обморочки? Какие ведьмы? Я пытаюсь поговорить с вами как с нормальным человеком. Вы же бабушка! А я мать вашего внука! — Это последняя попытка вернуть разговор в разумное русло, но я вижу, как Зинаиду Юрьевну буквально трясёт от одного моего вида, и отступаю на шаг: того и гляди запустит в меня канделябром — уж очень недобро она на него покосилась.

— Посмотрите на себя со стороны, и вам всё станет понятно. Не я увела Тима из семьи, это вы его оттолкнули. А я по наивности думала, что на вас наговаривают, и пришла молить о помощи.

Меня вдруг захлестнуло чувство вопиющей несправедливости, и я наговорила лишнего, за что тут же и поплатилась.

— Я прикажу забрать у тебя мальчика как у недостойной. Отдадим его в пансион, там о нём позаботятся лучше, чем ты. Будет ему и образование, и карьера. Только так я смогу ему помочь — и больше никогда тебя не видеть. Ты наглая содержанка моего сына, а с таким клеймом на репутации тебе нельзя доверить ребёнка.

Она нащупала моё слабое место и поняла, куда бить, чтобы не промахнуться, — и без канделябра обошлась. Репутация в этом обществе — кредит доверия. А моя и впрямь выглядит ужасно.

— Он ещё совсем маленький, ему и года нет! Какой пансион? Он без матери не выживет. Вы от ненависти свихнулись! Ужас какой… Не думала, что вы настолько жестоки…

Разворачиваюсь и, не прощаясь, выхожу из кабинета. Теперь мне ясно, что стояло за рассказами о семейке моего мужа, которыми час назад меня запугивала подруга, отговаривая от этой заведомо бесполезной затеи. Если бы не крайняя нужда, ни за что не пришла бы просить о помощи.

Придётся завтра же отказаться от комнаты в пользу каморки и устроиться на любую работу. Вот только с кем остав-

лять сына…

Найти такую же девицу с ребёнком, попавшую в отчаянное положение, и по очереди с ней выходить на смену? Или пойти посудомойкой, а то и прачкой — туда можно и с малышом. Хотя я и сама понимаю, что жаркая, душная, да ещё и опасная прачечная — не место для годовалого ребёнка.

Слёзы бессилия льются по щекам. Впервые со мной такое: тупик, из которого не выбраться, не потеряв достоинства. Да ладно бы достоинство — сейчас речь идёт о выживании.

Пулей вылетела из шикарной парадной и, не заметив прохожего, налетела прямо на него. Чуть не упала.

— Сударыня, осторожнее! О! Кажется, я вас знаю. Вы же… постойте, вы любовница моего племянника? Тимофея? Примите мои соболезнования. Говорят, у вас есть от него сын…

Поднимаю взгляд на мужчину и, едва сдерживая гнев, цежу сквозь зубы:

— У меня есть бумаги, удостоверяющие законный брак! И сын признан отцом. Но вам на эти факты плевать.

— Хм, ну почему же? Вы даже не представляете, насколько мне не плевать. Если вы скажете мне «да» и согласитесь на маленькую, почти безобидную аферу, то я вам немного помогу.

Холёный, породистый, эдакий темноволосый чернобровый красавец, гроза всех женщин и девиц. Думаю, в эту самую минуту он нарочно «включил» харизму на полную, что-

бы усыпить мою бдительность.

Стянул с руки тонкую перчатку, осторожно смахнул с моей щеки слезинку и улыбнулся, словно рад вновь меня встретить…

Но я совершенно его не помню и понятия не имею, кто он. Дёргаю головой, чтобы он не смог снова прикоснуться к моему заплаканному лицу. Незнакомец усмехнулся и подал чистый платок.

— Не могу смотреть на женские слёзы. Вы ведь пришли за помощью и не получили её? Чем моя поддержка хуже? Ровно такое же содержание, только без унижений. Ну так как?

— Я не аферистка! Вы меня с кем-то путаете. И я вас не знаю. Прощайте. — Разворачиваюсь, чтобы сбежать, но мужчина грубо рванул меня за руку к себе: видимо, понял, что очаровать не вышло и добычу лучше держать крепче, чем потом ловить.

Бросил долгий взгляд на окна особняка, заметил там мою свекровь и довольно ухмыльнулся. Словно кот, готовый прямо на глазах у хозяйки слопать сметану.

Дёрнулась снова, но он лишь крепче сжал мою руку и процедил, не позволяя сбежать:

— Эта стерва когда-то превратила мою жизнь в ад. А теперь настал мой черёд мстить. Хочешь ты того или нет, я сделаю из тебя орудие возмездия. Раз ты вышла замуж за моего племянника, значит, ты уже аферистка: ни одна нормальная женщина и рядом бы с ним не встала. Я ведь и сам могу

забрать твоего сына. Словом, у меня полно рычагов, чтобы заставить тебя плясать под мою дудку. И, замечу, далеко не самых жестоких. Всё зависит от тебя, моя птичка.

— Вы все больные. Я бы уже порадовалась, будь мой сын не от Тимофея. Отпустите!

Мужчина рассмеялся: весело ему играть чужими жизнями и шантажировать несчастную мать.

Свободной рукой он обнял меня за талию, прижал к себе и прошептал:

— Ты получишь наследство своего якобы мужа, обещаю. Как думаешь, почему эта стерва тебя выкинула и не признаёт? Да потому, что теперь закон на твоей стороне, раз ты мать. А малыша советую беречь как зеницу ока. Он твой билет к счастью.

— Не нужно мне такого счастья — вечно трястись за его жизнь, — проворчала я скорее по инерции. Но его слова вдруг достучались до моего разгорячённого сознания, заставили перестать вырываться и посмотреть на «дядю» иначе. Неужели он прав? Ведь Даня действительно наследник.

— Не глупи. Я знаю, что твой муж был игроком и, скорее всего, сбежал от кредиторов, а тебя бросил в трущобах. Кредиторы пришли не к тебе, а к Зинаиде. Ты ведь совершенно не знаешь человека, за которого вышла замуж. Так?

Боже, откуда он такой умный взялся? Неужели у меня на лбу написано, что я и правда не знаю собственного мужа?..

— Он уехал по делам конторы, отплыл на корабле в Евро-

пу и погиб во время шторма. Так написано в газете. И не придумывайте того, чего нет! — как мантру, повторяю я строки некролога из старого номера. А у самой от каждого слова всё внутри сжимается, ведь это лишь слова, а фактов у меня ноль. Зато начинают закрадываться сомнения, и от них к горлу подступает дурнота. Уж не сама ли Зинаида состряпала этот некролог, чтобы от неё отвязались опасные люди?

Чем дальше в лес, тем больше дров…

«Дядя» лишь хмыкнул, всё ещё держит меня подле себя, а стоит мне дёрнуться — хватка крепнет. Поднял голову, посмотрел вдаль, словно принимает непростое решение: проглотить меня сразу или оставить на сладкое.

Мимо нас с грохотом прокатилась конка, и я наконец услышала его решение:

— Умная девочка. Вот как мы поступим: эти деньги помогут вам прожить какое-то время. Мои адвокаты свяжутся с тобой в ближайшие дни, и мы утрём Зинаиде нос в суде — больше она не сможет прибрать всё к рукам. И неважно, жив Тимофей или нет: наследница не ты, а твой сын. А твой сын, так уж вышло, — мой племянник.

И он выдернул у меня из рук плотный конверт с документами и поднял его высоко над моей головой, чтобы я и не пыталась его вернуть. А взамен протянул две крупные ассигнации и карточку.

— Говори адрес, куда привезти бумаги.

Пришлось назвать.

Кажется, я только что заключила сделку с дьяволом. Ему нет дела ни до меня, ни до Дани: единственная его цель — насолить сестре, используя меня как таран.

— Вы же всё равно заберёте всё, что отсудите? Мне, кроме этих денег, ничего не достанется, так какой смысл тратить время на суды, скандалы и прочие неурядицы? Отдайте документы и оставьте меня в покое.

— Если откажешься, я сейчас же поднимусь к сестре и скажу ей, что ты решилась судиться, а я поймал тебя на слове. Она из тебя кварцевый песок сделает. Иди, совершай такие же глупости, как твой наивный муж. Будь ты законной венчанной женой, дела обстояли бы проще, но ты гражданская жена, сожительница и мать бастарда. Через две недели выйдет срок, и Тимофея окончательно признают погибшим. Ты станешь официально свободной женщиной. Но у тебя на руках сын — подумай о его будущем, а я подумаю о нашем…

Он вцепился в меня как клещ. Его подстёгивает жажда мести, и теперь мне придётся сказать ему «да» — хотя бы для того, чтобы он меня отпустил.

— Отдайте документы, я согласна на суд.

— Нет. Документы нужны мне, чтобы всё проверить: вдруг они поддельные. Проверю и велю юристам начать процесс. В нашем обществе женщине нужен опекун, и с этой минуты ты моя собственность — будешь делать то, что я прикажу. А теперь иди к сыну и позаботься о нём. Он мой племянник. И советую не делать глупостей: ты теперь вот где у

меня, птичка.

И показал кулак. К чему церемонии — я в его полной власти.

Но тут же улыбнулся и добавил:

— Маленькая испуганная синичка в руке. И никакой ястреб тебя не заклюёт, пока ты мне нужна.

— Ну да, конечно, сказал кот и облизнулся. Прощайте. — А он и правда расплылся в довольной улыбке: решил, что мы поняли друг друга.

— До скорой встречи, синичка! И не делай глупостей: головой отвечаешь за моего племянника, головой! — не стесняясь прохожих, крикнул он мне вслед.

Я даже не обернулась, только ускорила шаг, чтобы раствориться в толпе. Но это бесполезно: аромат его дорогого парфюма, словно призрак, следует за мной.

— Тоже мне собственник нашёлся, — ворчу я, хотя прекрасно понимаю, что так оно и есть: по законам этого мира мы с сыном теперь принадлежим «дяде».

Глава 2. Выбора всё равно нет

Сейчас приеду домой и получу ещё и от Насти. Ощущение пренеприятное: сама понимаю, что виновата, — ослушалась давнюю подругу настоящей Тани, а уж она-то знает, как на самом деле обстоят дела в этом семействе.

Но я и предположить не могла, до какой степени они самодуры.

Завернув за угол, останавливаюсь, чтобы успокоиться. Мысль о самодурстве родственников лежала на поверхности. Но стоило отдышаться, как в сознании всплыли страшные слова о фиктивном браке, о новой невесте или даже жене-иностранке. И это даже объясняет, почему он уехал и оставил жену одну с новорождённым сыном.

Это ведь я сама нарисовала идеальную картину их семейной жизни, их любви. Настя тоже говорила, что они любили друг друга, хотя тревожные звоночки были всегда. Но ведь это любовь со слов Татьяны: она — да, любила. Я и поверила в эту сказочку. А вот как к ней относился Тимофей — теперь большой вопрос. Если снять розовые очки, которые мне только что разбили, ситуация на поверку окажется совсем иной. Да и Настя рассказывает не всё: о покойниках плохо говорить грех, все там будем…

Всё-таки я наивная дура, идеалистка: всегда думаю о лю-

дях лучше, чем они есть, — как и сказал этот «дядя». А я ведь даже имени его не знаю.

Опомнилась, достала из кармана купюры и его визитку.

«Марк Юрьевич Агеев» — только имя и адрес. Чем он занимается, какой у него бизнес или дело — непонятно. А потом дошло: он хозяин доходного дома. Всё никак не привыкну к местному укладу: здесь для очень богатой жизни достаточно иметь особняк в столице и сдавать его. Это вам не квартиры посуточно, совсем иной расклад. «Дом Агеева» — точно, я однажды слышала про такой.

Шепчу себе под нос, разглядывая карточку:

— Он богатый, дом-то большой, знаменитый. И с чего Агееву цепляться за наследство семейства Дорониных? В чём ему-то выгода? И странно: почему при такой состоятельной родне Тимофей едва сводил концы с концами? Хотя я же только что их видела, этих самых родственников. Лучше голодать, чем с ними дело иметь.

Подумать о том, что это я еле-еле сводила концы с концами, а у Тимофея всё было хорошо, я снова не решилась. О покойниках плохо не говорят.

Повертела в руках карточку, взглянула на деньги и поняла, что на эти две огромные купюры по пятьдесят рублей мы небогато, но сытно проживём три-четыре месяца, а то и пять. Это очень большие деньги, и он вручил их не задумываясь. Жёсткие тиски страха неожиданно отпустили сердце, и я, ка-

жется, даже смогла вздохнуть свободно. Безденежье сейчас пугает меня куда больше, нежели судебные тяжбы и дискредитация брака.

Забежала в первую попавшуюся бакалейную лавку, накупила продуктов, а в трактире по соседству взяла готовой еды, чтобы скорее поесть самой и накормить сына вкусной сливочной кашей.

Домой я приехала счастливая, ожидая, что Настя сейчас начнёт ворчать. Но нет: она лишь с недоверием оглядела полную корзину и поморщилась — решила, что я отдалась за деньги.

— Ты, случаем, не на панели простояла? За это ведь и каторгу схлопотать можно!

— Фу! Ты такого низкого обо мне мнения?

— Нет. Просто если ты ходила к старухе, то вряд ли она тебя приняла. А другого способа раздобыть столько денег нет. Так что случилось? — Надо же, какая прозорливая.

Пришлось рассказать ей о встрече с Марком Агеевым, но без подробностей: просто сказала, что он проникся моей бедой и дал денег на пропитание.

— Танюша, ты красивая! А про этого Агеева в городе разное говорят. Он просто так ничего не делает. А ещё он болен: то ли с каретой в реку падал, то ли в пожаре горел — бог знает. Но по городу ходят сплетни, что у него всё тело в шрамах. Прям фу, страшно! Чудной он, хоть и красивый, как артист из театра.

Вижу, что подругу разбирает любопытство, — оно и меня начинает захлёстывать. Чем, интересно, болен такой красавец? И откуда Настя столько о нём знает — от Тимофея, наверное? Вздыхаю, пытаясь поставить точку в её домыслах и вернуться к фактам:

— Хорошо, ты меня вынудила. Он собирается отсудить у свекрови часть наследства в пользу Дани. Ему эти деньги не нужны, он богат. Но уколоть Зинаиду Юрьевну ему очень хочется, у них давняя вражда. Он намного её моложе, но такой же дерзкий и властный. Та ещё семейка — пауки в банке.

Настя закатила глаза, недвусмысленно намекая, что я основательно туплю, — о чём я и сама знаю.

— Значит, ты теперь между молотом и наковальней? Поздравляю! Они от тебя не отстанут и затюкают. А потом и Даню заберут. Не сиделось тебе спокойно.

Мне и без того нехорошо — понимаю ведь, что так и будет: затюкают.

— Выбора всё равно нет. На паперть или на панель — это ты предлагаешь? Приличную работу я не найду, мать с младенцем никто и не возьмёт. Пожалуйста, не трави мне душу, и так тяжко.

Поскорее ставлю чайник на керосинку и беру сына на руки — он единственное оправдание моих сегодняшних бездумных, отчаянных поступков.

Настя улыбнулась Дане, поцеловала его ручку. Она и сама понимает, что на мели и, кроме как посидеть с малышом или

дать «добрый» совет, проку от неё никакого. А положение плачевное. Последнее ценное, что у меня есть, — обручальное кольцо, но сдать его в ломбард совесть не позволила.

Уже у двери Настя обернулась и подбодрила:

— Хорошо. С другой стороны, может, это и правда единственный выход: за своё нужно немного и подраться, пусть даже в суде. Ты уже часть этой ненормальной семьи, так что лучше уж Агеев, чем старуха. Если он и впрямь болен, ему тоже нужен наследник. Ты клювом-то не щёлкай, не будь курицей: ради ребёнка можно и локтями поработать. Ладно, мне пора, засиделась я у тебя. Одно скажу: никому не верь. Сама убедилась, что это за люди.

Молча киваю: к чему слова, если мы всё уже десять раз обсудили? Настя махнула перчатками — мол, пока! — и побежала по своим делам. Поворчала бы я на неё, да без такой подруги вообще бы не выжила: в моём положении её советы бесценны.

— Ну что, маленький мой, пора есть. Потом мне нужно выполнить заказ, а там и прогуляться пойдём.

Заказ — это шитьё. Экономка дома, в котором мы с сыном живём, сжалилась и дала мне небольшую работу: штопать постельное бельё. Цена такому труду — копейки, но у меня и этого не было.

Шила, пока сынок спал, а из головы не выходят пакостные слова свекрови и Марка Агеева. Что, если где-то есть бумаги

о разводе?

Поднимаю голову от работы и пристально смотрю в угол комнаты, где стопкой стоят коробки с вещами. Таня успела переехать из квартиры в коммуналку ещё до того, как получила известие о гибели Тимофея. Я уже просматривала вещи, но бегло — лишь затем, чтобы понять, кто я такая в новом теле и какая у меня предыстория помимо очевидных фактов.

А теперь поняла, что нужно искать.

Поскорее закончила шитьё, собрала всё, отнесла на этаж ниже экономке и попросила вычесть заработанное из платы за комнату.

— Тебе ж вроде наличные нужны? Или разжилась? — Агриппина быстро проверила мою работу и решила уточнить, чтобы больше не возвращаться к этому разговору.

— Родственники помогли.

— А, вот это правильно. С родственниками надо дружно жить, особенно одинокой-то девице…

Вспыхиваю: и эта туда же!

— Я не девица, а вдова. И помогли мне родственники покойного мужа. Надеюсь, вы обо мне сплетен не распускаете? Иначе…

Она как-то особенно противно хмыкнула, скрестила руки на груди и горделиво вскинула подбородок: мол, сама-то она честная, а у меня одна дорожка — по наклонной.

— А что иначе? Без мужика тебя заклюют, помяни моё

слово. Так и скатишься — в нашей-то дыре таких «вдов» полно. Пока видок-то смазливый и платьице не изодралось, нашла бы себе содержателя, да и не выпендривалась.

— Совет, может, и дельный, но не для меня! Я перееду в дом к родственникам мужа. Месяц-другой — и мои дела выправятся, а вот ваши с такой моралью такими и останутся. И законный опекун у нас с сыном тоже есть — дядя. Он и ведёт мои дела по наследству, понятно?

— Как не понять! Теперь-то всё ясно как божий день. ДЯ-ДЯ!

Сарказм в её голосе слышен явно, но хвост и гонор она уже прижала и посмотрела на меня иначе, словно очки надела. Я для неё букашка, посмевшая прожужжать о своих правах.

Но нажужжала я куда больше, чем следовало. Кто меня за язык тянул приплетать Марка Юрьевича? А всё обида.

Обида и досада: уже который месяц я ловлю на себе такие вот пошлые взгляды и слышу гадости в спину. Но делаю вид, что глухая и слепая и что эта грязь ко мне не липнет. А все эти «добрые люди» только и ждут, когда я начну водить в дом ухажёров, как многие обнищавшие девицы…

Вернулась к себе и поскорее начала разбирать коробки. Особенно те, в которых книги, учебники и рисунки Тани. Обычного дневника у неё не было, значит, что-то может быть спрятано между страницами книг. Письмо, извещение — что угодно, лишь бы подтвердить, что брак настоящий. То-

гда «свекровь» не сможет отнять у меня сына как у неблаго-
надёжной. Ох, к такой правде жизни я совсем не готова.

Глава 3. Шанс

Я не смогла найти ни одной официальной бумаги о разводе. Справка из управы о том, что я являюсь супругой Тимофея Матвеевича Доронина, и свидетельство о рождении Дани сейчас у Марка Юрьевича. И что он с этими бумагами делает, одному богу известно.

Единственное, что нашлось, — обычный любовный роман «Жизнь Джулии», который есть у каждой барышни этого мира. Настя несколько раз про него говорила. Это что-то вроде библии для молоденьких девиц: они все копируют жесты, эмоции, фразочки из этого «романтического опуса». Пролистала страницы, пару раз поморщилась, вчитавшись в подчёркнутые строки. Фальшивые чувства, страсти напоказ, а в глубине души тёмный лес, и никто не узнает, какие у девицы проблемы и не пора ли оказать ей первую психологическую помощь.

Таня тоже придавала романтике слишком много значения — непомерно много. Мы с ней совершенно разные, это и Настя заметила, но списала на взросление после рождения сына.

И вот оно, подтверждение того, что в отношениях с мужем не всё складывалось так сахарно, как мне казалось. Между страницами — жёлтая открытка с нарисованными цветами

и напечатанной подписью: «Люблю тебя до последнего вздоха!»

Поверх размашисто написано: «НЕНАВИЖУ!»

Вот он — не звоночек, а колокольный звон, набат, которого я не заметила, пока меня носом не ткнули.

Сынок проснулся, и я поспешила заняться с ним приятной рутиной; поиски улик пришлось отложить.

— А кто это у нас такой сладкий мальчик? Тёпленький мой, лапочка! Сейчас «памперс» поменяю, потом полдник, а там, наверное, и на прогулку сходим. Что скажешь?

— Апф. Ма-ма! — Улыбается, показывает зубки. Эх, какая жалость, что в этом мире нет смартфонов и нельзя наделать фоточек на память. Такой красивый мальчик — просто невозможно перестать его целовать.

Люблю маленьких, люблю наблюдать, как Даня каждый день осваивает что-то новое. И у меня появляется ощущение, что жизнь не стоит на месте и всё обязательно наладится. Нужно только пережить самый трудный этап, потом найти работу, и…

И ничего не изменится.

В этот день я остро осознала свою уязвимость. Люди вдруг начали говорить правду в лицо, и, судя по этой самой правде, я не самая социально ответственная гражданка.

Ужас какой, Боже!

Со своим демократическим мировоззрением я даже не замечала, что здесь всё иначе. Женщина не смеет оставать-

ся свободной от опеки. Женщина не смеет жить по своему усмотрению. И хуже всего то, что в глазах родственников моего сына я и впрямь содержанка или выскочка, совратившая их ненаглядного сыночка и племянника, потому что он из богатой семьи, а я сирота и мещанка.

За эти месяцы я так ничего и не смогла узнать о себе: мещанка я, дворянка или вообще безродная сирота? Кем были родители Тани, откуда она взялась?

Держу на руках сына, к которому уже успела привязаться, он для меня родной, но, по мнению общества, я недостойна этого ребёнка. Именно на это мне почти прямо указала Зинаида Юрьевна, да и Марк Юрьевич подтвердил.

Статус несчастной вдовы, который хоть как-то обнадёживал и защищал меня, в одночасье разбился — как и розовые очки.

Таня с Тимофеем — невенчанная пара. Если он нашёл себе богатую и обвенчался с ней, то мой брак аннулируется в тот же момент. Гражданские браки дозволены вдовцам и молодым мужчинам, чтобы засвидетельствовать бастарда…

Похожую историю мне назидательным тоном поведала Настя, и это был не намёк, а конкретная информация. Просто она не хотела меня обижать. Но раз я теперь вдова, а Тимофей до гибели не успел обвенчаться, то какие-то скудные права за мной ещё остаются?

Теперь нужно дождаться, когда Марк Юрьевич вынесет вердикт по моему делу. Именно для этого он и забрал доку-

менты.

Что-то мне поплохело.

Надо бы погулять с Даней, но сил нет совершенно. От избытка чувств могу этих самых чувств и лишиться. Захотелось дать себе подзатыльник и ругнуться: «Соберись, тряпка! Хватит строить из себя кисейную барышню, враги этого не оценят!»

Собраться я могу единственным способом: пойти на почту или в книжную лавку, купить газету и найти вакансии — пусть даже надомницей. Настя говорила, что была работа: раскладывать по коробкам колоды карт для типографии, клеить конверты, что-то переписывать. Просто нужно ещё раз…

Я уже всё это проверяла: плата там такая мизерная, что согласиться на неё могут разве что замужние домохозяйки — ради прибавки к семейному бюджету. Мне этих денег не хватит даже на аренду приличной комнаты. Самое неприятное, что моя настоящая профессия в этом мире — не пришей кобыле хвост: операционист в банке. Самая простая работа, типовая, шаблонная, но неженская. Всё остальное я умею, но как любитель. Ни шить толком, ни стричь, ни управлять. Хотя, пожалуй, вести хозяйство, как наша экономка, я бы смогла, да кто меня возьмёт без рекомендательных писем?

Тону в невесёлых размышлениях и, чтобы совсем не скиснуть, решила прогуляться. Так или иначе, работу надо найти, а сама она на дом не придёт.

Быстро накормила сына полдником, собрались и пошли гулять. Пока одевала малыша, заметила, что и на новую одежду надо бы потратиться. Дети растут не по дням, а по часам. Вот только недавно были распашонки и чепчики, а теперь уже костюмчик…

— Ммм, да! Сынок, ты же маленький, а маленькие с Богом на прямой линии. Попроси для мамы работу, чтобы мы с тобой не расставались.

— Аг-г-у! — сказал он и посмотрел так серьёзно, словно понял, о чём я прошу.

— Вырастешь, повзрослеешь и станешь моей опорой. Нам бы продержаться…

— Агу, ма!

— Полностью тебя поддерживаю. Сдаётся мне, ты станешь очень умным, и я буду тобой гордиться.

Целую сына — и все дурные мысли как рукой сняло.

Деньги, что мне «подарил» Марк Юрьевич, так и лежат в кармане: в этом доме двери не преграда, соседи могут всё обшарить и обокрасть. Народец в некоторых комнатах на четвёртом этаже обосновался опасный. Поговаривают, конечно, что где живут, там не пакостят, но лучше эту аксиому не проверять.

Вышли с сыном на улицу, и, к счастью, навстречу попалась соседка — очень приятная женщина, они с семьёй занимают три комнаты на третьем этаже.

— Татьяна! Добрый день! Гулять?

— Да, ребёнку нужен свежий воздух.

— Коляску возьми, она мне сегодня не понадобится. И вот ещё: экономка сказала, что у тебя с деньгами туго. Я тут собрала детское — уж надеюсь, мы с мужем рожать-то больше не будем. Отобрала тебе, что поприличнее, твоему Даниилу в самый раз. Ну, бывай, побегу, а то Маруся одна с младшими братьями не справится.

Она на ходу подтолкнула ко мне неказистую коляску и побежала к детям.

Это чудесно! Просто восхитительно! У меня ведь нет коляски, а с ней я смогу уйти гораздо дальше. Конечно, она своеобразная, как и всё в этом мире: по сути, плетёная корзина на колёсах и с ручкой. Зато не придётся тащить ребёнка на руках.

Ещё один сосед, с нижних «богатых» этажей, помог мне выйти из парадной, и я ощутила ту самую волну благосклонности высших сил, которую нужно ловить.

Люди вдруг заметили меня!

Сразу свернула к книжной лавке: решила купить газету, в которой больше всего объявлений.

Иду, наслаждаюсь приятной погодой: яркое закатное солнце заливает столичную улицу. Только хотела перейти очередную улочку, поперечную проспекту, как неповоротливый омнибус затеял манёвр и заставил всех пешеходов остановиться и ждать, словно зелёного сигнала светофора.

Невольно стала свидетельницей разговора двух женщин,

остановившихся рядом:

— Ну послушай, что ты как девочка, ей-богу! Отличное место.

— Но как же? Там почти двадцать детей и всего три няньки. Боязно. Я бы ни за что не пошла туда работать.

— Глупая, какая же ты у меня глупая. Тебя в детский сад никто и не зовёт. Мы с тобой вместе пойдём в торговый дом, куда все за покупками приезжают, там уж так хорошо платят, так хорошо! А детей определим в детский сад: там и развитие, и присмотр. И раз в десять дешевле, чем няньку-то нанимать.

Я слушаю их: одна, настойчивая, прямо-таки сердится на свою нерешительную подругу-мямлю, уговаривает отдать ребёнка в ДЕТСКИЙ САД!

Услышала это название, развернулась и с ходу:

— Девочки, миленькие, выручайте! Вдова я, последние деньги проедаю. Скажите, ради Бога, где этот детский сад? Это же моё спасение…

Та, что постарше, рассмеялась. Но омнибус проехал и освободил нам путь, и теперь мы спешим втроём. Когда перебежали дорогу, старшая отдышалась, укоризненно посмотрела на подругу — мол, видишь, женщина умоляет, а ты боишься, — а потом без утайки ответила:

— Они теперь чуть ли не в каждом районе открываются. Банкирша в городе объявилась, золотая женщина, молоденькая, а столько для нашей сестры сделала. Дай бог ей здоро-

вья. Ближайший — вот по этому адресу. — И она показала рукой направление и назвала дом, где устроен этот детский сад.

— От всей души благодарю, вы меня спасли!

— Да не за что. Может, там и мест-то нет.

— Я бы в любой пошла, хоть няней работать.

Чуть не плачу от радости: наконец-то в этом мире мне попалось хоть что-то понятное и знакомое.

Мы простились с женщинами, и я поспешила ловить удачу. Чувствую: бежать и просить о помощи нужно именно сегодня, завтра всё изменится, и тогда снова придётся что-то выгадывать, а у меня уже нет сил.

Глава 4. Марк Юрьевич

Сразу после случайной встречи с Татьяной.

Утром Марк Юрьевич наконец решился заехать к сестре с дежурным визитом, чтобы удостовериться, что она жива и не впала в окончательное отчаяние после ужасных новостей о сыне. И ведь не собирался, но что-то подтолкнуло, заставило поехать к ненавистному дому, с которым связано столько неприятных воспоминаний.

В последний момент он вдруг передумал: дальше по улице есть отличный книжный магазин, там можно приятно провести время и выбрать несколько новинок. Он почти прошёл мимо, но у парадной в него буквально врезалась девица. Хотел было пошутить, но присмотрелся и узнал «жену» племянника.

Сначала очень удивился, но быстро сообразил, что эта встреча сулит немалую выгоду. План созрел мгновенно, даже ничего не пришлось предпринимать — только забрать у Татьяны конверт с документами, запугать её и отпустить к ребёнку.

— Хорошенькая, очень хорошенькая, но либо глупее городских голубей, либо умна настолько…

Фразу он не закончил — и так понятно: будь она умной, не вышла бы замуж за Тимофея.

Отпустил птичку, а сам так и стоит, смотрит вслед хрупкой фигурке, едва сдерживаясь, чтобы снова не догнать, не развернуть её к себе и не заглянуть в эти знакомые, почти родные глаза.

Кто-то из прохожих случайно толкнул Марка Юрьевича, извинился и поспешил дальше по своим делам. Реальность напомнила о себе, и манящая иллюзия развеялась.

— Посмотрим, как себя чувствует наша железная дама. Это же надо — выкинула невестку, даже денег не дала! В этом вся моя сестра. Из тех, кто из добрых побуждений скорее придушит, чтобы страдалец не мучился, чем попытается спасти, — хмыкнул он и вошёл в шикарную парадную особняка Дорониных.

— Доложите госпоже о моём визите. Если начнёт упрямиться и ссылаться на недомогание, скажите, что в таком случае она не узнает неприятную правду о невестке…

Через пару минут тихая, как тень, горничная пригласила его пройти в кабинет хозяйки.

— Зинаида! Рад видеть тебя в добром здравии!

— Не могу ответить взаимностью. — Стоило брату войти, как она заметила тот самый конверт, которым здесь недавно трясла проклятая девка. — Ты ограбил эту дешёвку?

Марк с улыбкой посмотрел на конверт, словно опомнился, и тут же убрал его в широкий карман дорогого английского пиджака.

— Вроде того! Забрал её документы. Не хочу, чтобы где-

то оставался бастард нашей семьи, думаю присмотреть за девушкой. Раз ты её отвергла, беру под свою ответственность. А заодно разберусь с наследством. Сама понимаешь: ты для ребёнка своего сына ничего делать не хочешь, значит, придётся мне.

— Ха-ха! — театрально рассмеялась Зинаида Юрьевна. — Ты сам такой же, как этот ребёнок. Полукровка, сын приживалки. Да ладно бы просто приживалки — нет, что твоя мать, что эта Таня — обе гарпии: изо рта кусок вырвут и глотку перегрызут. Они даже похожи! Фу, мерзость! Думаешь, я не понимаю, что ты задумал? Месть! Хочешь судиться? Раз тебе не повезло обставить нас с моим ныне покойным мужем, так после смерти Тимофея решил добить меня. Но у меня для тебя плохие новости…

Марк не понял, к чему последняя фраза, хотя хороших новостей от сестры и не ждал. И тут же перешёл в контрнаступление:

— Ну, не добить, а поставить на место. Однако если ты решишь пересмотреть завещание, то, учитывая твоё незавидное положение, я помогу с управлением. Я тебе нужен. Нужен! Ты одна, состояние отца тает, как снег в марте, а ты упрямо не подпускаешь меня к делам. Повторю: ты одна! Девчонка могла бы стать тебе опорой, но ты…

— Пожалел очередную шлюху? В ней нет порядочности, она легла в постель моего сына до брака. Так сказал Тимофей, и я ему верю.

Сердце матери, убитой горем, по идее, должно бы сжалиться и принять внука. Но у Зинаиды никогда не было сердца. Эту аксиому Марк усвоил накрепко — не только в теории, но и на практике.

Брат поморщился, словно съел лимон: с каждой секундой оставаться рядом с ненавистной женщиной и не наговорить ей отчаянных гадостей всё труднее. А она всё не унимается, провоцирует.

— Дай-ка подумать. Мы, мужчины, порой бываем настойчивы… Нет ли в этом соитии вины твоего святого мальчика? Он ведь от тебя отвернулся…

— Замолчи! Он вернулся ко мне и просил прощения, и я простила. Не знала, что он задумал эту проклятую поездку, иначе не пустила бы. Но я тебе вот что скажу. Внука я у этой девки заберу — дело решённое. И однозначного подтверждения, что Тимофей погиб, нет. Можешь не утруждать себя исками, чтобы не выглядеть глупо. Представляю картину: ты и твоя свора адвокатов получаете уведомление, что отец мальчика жив, а я ближайшая законная родственница. И о каком тогда наследстве может идти речь?

— Вот как? Значит, решила идти напролом и разрушить ещё пару жизней? Ну что же, давай. Надеюсь, ты хотя бы выучишь имя мальчика, а то я тебя знаю: скинешь всё на нянек и вспомнишь о нём лет через десять. Не удивлён, что Тимофей от тебя отвернулся: ты никогда не была ему матерью.

Понимая, что беспощадно жалит сестру в самое сердце,

он не остановился и продолжил наносить удары.

— Мой сын жив! Со дня на день придёт подтверждение — вот где вы все у меня будете! Мой мальчик тебе за всё воздаст! — Она вдруг выдохнула и, прикрыв глаза, открыла немыслимую тайну, от которой Марка обдало сначала холодом, а потом жаром — в тот самый миг, когда у него мелькнула мысль, что сестра тронулась умом.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Мне приснился сын, и я позвала гадалку. Она раскладывала свои карты — не игральные, а особые, очень могущественные. Так вот: Тимофей жив, мои адвокаты сделали повторный запрос. Он скоро вернётся. Корабль затонул, но моего мальчика на этой посудине не было — он сошёл на берег до крушения!

— Ты от горя сходишь с ума! Завтра же напишу записку лекарю и попрошу его к тебе заехать. Но это многое объясняет. Ты свихнулась. Говорят, работа лечит, но тебе это не грозит: я отберу у тебя всё, поняла? И ты знаешь за что. Этот ребёнок станет последним гвоздём в крышку твоего гроба, безжалостная ты женщина!

— Когда мой сын вернётся, ты сам будешь молить меня о пощаде. У тебя есть дом, вот и живи с него, а мои капиталы останутся моему сыну. Он жив! Сердце матери не лжёт.

— Сердце матери — да, но у тебя нет сердца. От твоих капиталов одни долги остались! Рад был повидаться, сестра!

— Не взаимно! В следующий раз не трудись приезжать.

И оставь эту девку, скоро мои люди с ней разберутся. Давно следовало это сделать. Она виновата…

— Ну-ну, продолжай…

— Нет, не дождёшься! Я не скажу, что он погиб. Я верю! Уезжай, оставь меня в покое.

— Как скажешь, Зинаида. Но лекаря завтра прими: кажется, у тебя не всё в порядке с головой.

Пока она не начала сыпать проклятьями, он вышел и закрыл за собой дверь.

Ситуация складывается… да какое там складывается! Ситуация грозит взорваться, как минное поле, которое только и ждёт неверного шага. Зинаида всегда была слишком странной, а теперь…

Теперь она злая, опасная и, кажется, слегка не в себе. И если раньше её главным врагом долгие годы оставалась его мать, то сестра выбрала себе новую жертву, ещё более беззащитную. Татьяне теперь даже смертник не позавидует.

— Плюнуть и наблюдать со стороны, как развиваются события? Или наконец забрать своё и заставить стерву заплатить?

Вопрос пока остался без ответа.

Вспомнил испуганный взгляд Тани, её трепет, румянец, нежные губы и запах материнства — точно так же когда-то пахло от его любимой матери…

Закрыл глаза, вздохнул и попытался вернуть себе привычную суровость. Не получилось.

— Тьфу, чертовщина! Надо же… Не стоило так крепко её обнимать…

Глава 5. Игры разума

«Детский сад» оказался чуть дальше, чем я рассчитывала, но Даня спокойно сидит в коляске, крутит головой по сторонам и с великим интересом наблюдает за происходящим на улице. Эх, ещё немного — и я потрачу сколько-то денег на собственную коляску для сына.

Она, конечно, справляется со своей задачей, но до того неудобная, что плакать хочется. Вспоминаю коляски из нашего мира с огромной благодарностью их создателям. Здесь люди о детях, похоже, вообще не задумываются. Каждая кочка на мостовой встряхивает ребёнка, а чтобы подняться на очередной поребрик, приходится тягать всю коляску целиком. К счастью, иногда помогают прохожие.

Но даже при всех этих недостатках я рада: в такую даль с сыном на руках я бы не дошла. Кажется, необходимость предстоящей покупки и оправдывать не нужно.

— Только бы взяли, только бы взяли нас с сыном на работу…

Шепчу это, словно молитву, и наконец вижу крупную весёлую вывеску: «Детский сад-ясли». Смотрю на это произведение рекламного искусства и ловлю себя на странном чувстве, будто кто-то затеял игру с моим разумом. Вывеска совершенно не вписывается в окружающую действительность. Она словно перекочевала в этот мир вместе со мной и напо-

минает о том, что я когда-то имела и потеряла.

Вход со двора, и всё здесь очень милое: клумбы, качели, небольшая беседка, песочница. Голова идёт кругом от избытка мыслей, и вдруг все они собрались в одну точку.

Всё это устроила какая-то женщина, попавшая в этот мир, как и я.

— Я не одна такая! — От волнения чуть слёзы на глаза не навернулись. Но я спохватилась, постучала в дверь, и мне открыла пожилая женщина.

— Добрый вечер, сударыня. Чем могу помочь? — спросила она, улыбнулась и поняла всё без объяснений: в коляске ребёнок. Но я решила с порога обозначить цель визита.

— Я ищу работу няней, можно и уборщицей, готова делать что угодно. У нас с сыном отчаянное положение.

— Эх, милочка, если бы вы знали, у скольких нынче такое положение…

— Мест нет? — Философские ответы меня сейчас не устраивают.

— Есть. Проходите, вам повезло: начальница сегодня у нас.

Пришлось затащить коляску в парадную, взять сына на руки и поспешить за няней в кабинет начальницы.

— Добрый вечер, Клавдия Климовна, к вам пришли…

Я ожидала увидеть солидную даму, а навстречу мне вышла молоденькая красивая девица, очень серьёзная, но, увидев Даню, она улыбнулась.

— Добрый вечер. Я Клавдия Климовна, заведую несколькими детскими садами в столице.

— Татьяна Алексеевна Ромашина. Ищу место няни с возможностью устроить сына в ясельную группу.

— Вам повезло, что сегодня я решила поработать именно здесь. Иначе пришлось бы завтра ехать с малышом в другой конец города. У вас документы с собой? — Роковой вопрос Клавдии Климовны поверг меня в ужас. Ноги сделались ватными. Я присела на стул, отдышалась, и пришлось признаться:

— Мои документы забрал дядя сына, он теперь наш опекун. Но я не хочу зависеть от него финансово, потому и ищу работу. Принести бумаги смогу завтра или послезавтра.

«Дядя сына»… Сказала и невольно улыбнулась: какой же он Дане дядя? Марк Юрьевич — дядя Тимофея, а малышу, выходит, двоюродный дед. Вот бы посмотреть на его лицо, назови его кто-нибудь дедушкой.

— Понимаю. Хорошо, давайте договоримся: послезавтра я приеду сюда, скажем, часов в пять вечера, а вы подходите с документами. Я вас возьму, а там посмотрим, как вы справитесь. Работа простая: делать детей счастливыми в безопасной обстановке, развивать их, играть с ними, разговаривать.

— Да-да, я понимаю: в общении со сверстниками малыши и развиваются лучше. А уж про речь и говорить не приходится — друг за другом повторяют.

— Прекрасно, что вы понимаете специфику нашей рабо-

ты. В таком случае встретимся в назначенное время. Если решите свои затруднения раньше, найти меня можно вот по этому адресу — там мой кабинет. Сейчас, простите, не хочу тревожить группу, а после полного собеседования сразу всё вам покажу. Кстати, оплата приличная: от двадцати до сорока рублей, в зависимости от группы и количества часов. Мы понимаем, что во время адаптации ваш ребёнок может часто болеть, поэтому оплачиваем и больничные. Банк взял на себя все расходы, а ещё у нас много меценатов. Так что за это место можно побороться и потребовать у опекуна документы.

От услышанной суммы меня слегка качнуло. Так и держу карточку в руке; опомнилась и поскорее спрятала её в карман. За такие деньги я на работу и пешком, и без коляски, с сыном на руках приду! Да что там приходить — я найду приличную квартиру рядом.

Понимаю, конечно, что двадцать — это за полсмены, а сорок — за полный день. Но мне дома и делать-то нечего, я готова работать с утра до вечера.

Сегодня воистину мой счастливый день.

— Ой, простите за дерзость, а можно я прямо сейчас напишу у вас записку дяде, чтобы он как можно скорее вернул наши бумаги? По дороге домой отправлю её с посыльным, чтобы самой с ребёнком не ехать в центр.

— Да, конечно, вот перо и бумага.

В кабинете заведующей есть специальное креслице для

детей. Туда я и посадила Даню, а сама поскорее села писать.

«Уважаемый Марк Юрьевич! Мне срочно нужны документы, будьте любезны прислать их с посыльным на мой адрес. Я нашла отличное место работы в детском саду. Не могу позволить себе упустить возможность достойно работать и зарабатывать на жизнь. Это вопрос жизненно важный для меня и моего ребёнка».

Формулировка, конечно, так себе, но времени на раздумья нет. Внизу поставила подпись и адрес, куда привезти документы. Только бы удача не отвернулась от меня в этот момент и он не решил разрушить мою последнюю надежду на сносное существование.

— Спасибо вам большое. Сейчас же отправлю. Надеюсь, он не станет противиться и упорствовать.

— Да, в нашем обществе некоторые мужчины предпочтут, чтобы женщина перебивалась на хлебе и воде, нежели позволить ей самой распоряжаться своей жизнью. Но, думаю, скоро мы изживём эти средневековые пережитки.

Услышав её слова, я только улыбнулась и кивнула. Точнее и не скажешь: средневековые пережитки.

Мы простились с Клавдией Климовной, и я, окрылённая, повезла сына домой. Но радость немного подпортила мысль о том, что мне снова придётся встречаться с «дядей».

Почтовое отделение немного в стороне, но я лучше сделаю этот крюк сейчас, чем буду потом сама искать свободного посыльного.

Заплатила пареньку монету, назвала адрес — «Дом Агеева» — и отпустила гонца, перекрестив его: от этой записки сейчас зависит вся моя судьба. Через полчаса Марк уже прочтёт послание. Только бы не разозлился!

Оставшиеся два квартала мы с Даней прошли не спеша — коляску уже не так трясёт. Настроение хорошее, хочется улыбаться, но страх, что всё сорвётся, загоняет радость в клетку.

Вздохнуть с облегчением я смогу, лишь когда получу место…

Возвращаясь «домой», в нашу ужасную каморку, я всегда волнуюсь: не увидеть бы сломанный замок и взломанную дверь. На этот раз тоже всё обошлось. Началась привычная материнская суета. Будь я в нашей современной квартире, управилась бы за полчаса. Но здесь…

Иногда кажется, что ещё немного — и я не вывезу всю эту ситуацию. Бегать по этажу за водой, в туалет — этажом ниже, за горячей водой — в постирочную на первый этаж.

И какое счастье, что Даня такой спокойный! Ни разу не было, чтобы я вернулась с водой, а он кричит. Нет, сидит себе в кроватке и наблюдает за моей суетой.

И вид у малыша такой, будто он говорит: «Потерпи, мамочка, я скоро подрасту!»

Вот и сейчас я сбегала вниз за горячей водой, чтобы искупать сына перед сном. И постирать. Сама помоюсь уже ночью, когда Даня уснёт.

С такими мыслями поднимаюсь на третий этаж, открываю дверь и замираю от неожиданности. В комнате стоит сам Марк Юрьевич и держит на руках Даню.

— Что же вы, матушка, ребёнка одного бросили?

— Отдайте моего сына.

— С этого дня он также и мой сын!

Какое счастье, что я успела поставить ведро на пол.

Глава 6. Хозяин положения

— Вы с ума сошли?

Я едва смогла сглотнуть ком в горле: запыхалась после быстрого подъёма на этаж, да ещё с ведром воды.

А тут ещё и шок-контент нагрянул.

Делаю шаг и протягиваю руки к сыну, но Марк резко отворачивается и, пользуясь своим ростом, закрывает от меня Даню.

Этого ещё не хватало!

Не в силах сдержать ярость, ударяю его кулаком по спине.

— Прекратите сейчас же! Это не игрушка, а ребёнок! Отдайте его, и документы тоже! Я кому сказала?! Вы не выйдете отсюда живым, честное слово! Я едва сдерживаюсь, чтобы не огреть вас стулом. Отдайте! — Обида, слабость, ярость — всё во мне связалось в узел, затянулось и накатило так, что я отбросила все условности: сдавленно рычу на наглеца и снова колочу его по спине.

— Повторяю: с этого дня я отец вашего сына. И прекратите меня колотить! Надо же, пигалица, а рука как у мужика.

— Вы утром забрали мои документы и уже оформили опеку? Не пытайтесь меня обмануть. Здесь каждое дело тянется неделями…

Вытираю лоб тыльной стороной ладони. Причёска растрепалась, платье старое, домашнее, — я выгляжу как базарная

баба, да и поведение под стать. Всё против меня…

Но Марк всё же повернулся, с подчёркнутым презрением оглядел комнату и даже поморщился.

А чего он ожидал?

Элитных хором?

Так и стоим. И что удивительно: Даня сидит на руках у «дяди», или теперь уже новоиспечённого «папаши», и улыбается.

— Хорошо, скажу иначе: если не хотите, чтобы сын написал на ваш дорогой пиджак, отдайте мне малыша. Его нужно искупать перед сном, пока вода тёплая.

Этот аргумент подействовал гораздо лучше, чем материнская паника. «Папаша» поцеловал Даню в макушку и протянул мне. Пришлось посадить сына в кроватку и начать готовить тазик для купания. Не обращаю внимания на «гостя», только спросила: «Вы привезли мои документы?» Но Марк не ответил, так и стоит, словно мои нехитрые хлопоты его заворожили.

А я всего-то закатала рукава, собрала волосы в шишку, приготовила чистую простыню и теперь взяла сына на руки, приговаривая, что самый красивый и умный мальчик сейчас будет купаться, пока водичка тёплая. Без конца целую сына — лобик, макушку, ручки. Это от страха: так я глушу панику, ведь вот она, реальность, — более сильные родственники заберут моего ребёнка. Пусть я не настоящая его мать, но память тела никуда не денешь. Моё новое сердце разорвётся

от тоски, если Даню отнимут.

— Вам… тебе помочь? — Внезапный вопрос Марка Юрьевича снова заставил меня вздрогнуть и пристально посмотреть на него. Я даже не поняла, какую помощь он собирается оказать.

— Чем?

— Простыню подержать? Ребёнка принять?

— Д-да…

Происходит что-то странное. Может, я пробуждаю в нём какие-то воспоминания? На мгновение я заметила в лице «дяди» нечто новое. Неужели в «злодее» есть капля сострадания?

Марк взял простыню с бортика детской кроватки и развернул. Когда я подняла сыночка из таза и вода стекла, «дядя» осторожно завернул малыша в простыню, улыбнулся и уложил в кроватку.

— Если нужно вынести воду, я посижу с сыном? Знал бы, куда вылить, сам бы вынес…

Я заметила это слово — «сын» — и снова начинаю нервничать. Обнадёживает одно: не решится же он забрать мокрого малыша? Сдерживаюсь: я должна показать, что вполне адекватна.

— Нет, я в этой воде потом ещё «памперсы» постираю.

— Памперсы? — Он посмотрел на меня как-то странно, и я поняла, что вот так в любой момент могу себя выдать. Поскорее изображаю бурную деятельность: юлой промчалась

по комнате, кинула пелёнки в таз с водой, прибрала вещи, чтобы «гость» не морщился. А теперь вытирать Даню: пора его переодеть, дать молока и уложить спать.

— Неважно. Пелёнки. Так вы отдадите мои документы? — Продолжаю ненужную суету, нарочно тяну время, потому что не понимаю, как лучше выбить из него то, что мне жизненно необходимо.

— Вопрос стоит иначе. — Марк не выдержал моей суеты, поймал меня за руку и остановил рядом с собой. Мы снова заняли свои роли: я — жертва обстоятельств, а он — хозяин положения.

— И как же? Хотя, если честно, вопрос стоит однозначно: мне нужно выйти на работу. Оплата высокая, работа понятная и стабильная — няней в детском саду. Ничего пошлого и непристойного, я не опорочу вашу репутацию, если вы об этом печётесь.

— Нет. Вопрос стоит в корне иначе. Я знаю свою сестру. Сегодня Зинаида заявила, что её сын жив, и уже приняла решение отобрать у тебя Даниила. И она это сделает.

— Не-е-е-ет…

— Да, похоже, будто я тебя запугиваю, но это реальность. Потому я и решил сделать первый шаг: поручил адвокатам начать оформлять опеку над твоим сыном. Зинаида уже в возрасте, от её капиталов остались одни долги, к тому же она одинока, и официально забрать ребёнка ей не позволят. Но неофициально она непременно это сделает — просто чтобы

навредить.

Комкаю в руках кофточку Дани, цепляюсь за неё, чтобы не наговорить гадостей. Похоже, мне придётся встать на одну из сторон в этой давней войне. Непонятно, чем она вызвана, но сейчас грядёт решающая битва, и мой сын для них лишь средство. Как же меня всё это бесит!

— А мои интересы и интересы Даниила никого из вас не волнуют?

Он хмыкнул и посмотрел на Даню в кроватке, потом на меня.

— Если бы не волновали, меня бы здесь не было. Документы пока отдать не могу, их проверяют. Но могу отправить своего юриста… — Он снова брезгливо огляделся. Да я и сама брезгую здесь жить! Пауза затянулась, и наконец «дядя» решился: — Нет. Моему сыну здесь не место. Завтра я забираю вас к себе — ВАС, так что не кидайся на меня с кулаками. Работать тебе не придётся. Сколько платят в этом заведении? Столько же буду платить тебе я — нанимаю тебя няней для нашего ребёнка.

Хотела сказать что-нибудь вроде: «Не треснет ли у вас, сударь, губа?», но сама же свою губу и прикусила. Если он серьёзно, то…

— Я боюсь оставаться в этом доме, боюсь за Даню. Вам, мужчине, не понять, каково это — жить одинокой женщине с младенцем, когда все считают, что я этого младенца нагуляла: свидетельство о браке на лоб ведь не приклеишь. Будь си-

туация хоть капельку проще и устойчивее, я бы отказалась от вашего сомнительного предложения. Но я на краю катастрофы. Да и от вас ведь уже не отвязаться? Так? Вы зачем-то вцепились в моего ребёнка как клещ, и мне кажется, что со мной или без меня вы всё равно заберёте Даню.

— Именно! У меня сейчас есть свободная квартира на третьем этаже со всеми удобствами, так что жить вам с сыном будет комфортно. Сегодня же распоряжусь приготовить спальни, а у тебя есть время до утра, чтобы собрать вещи, хотя ничего ценного я здесь не вижу. На тебя я не претендую, так что даже не пытайся меня завлекать…

Закатываю глаза, провожу рукой вдоль своей задрипанной от нищеты фигуры и иронично замечаю:

— Этим? Я вас умоляю, у меня на мужчин аллергия. Особенно на таких командиров, как вы. Не переживайте, ни единого романтического взгляда вы от меня не дождётесь.

— Вот и прекрасно. — Не будь в его голосе такой нарочитой деловитости, я бы поверила. Но нет: он был не прочь сделать из меня сожительницу. Обломится. Однако его запугивания на этом не закончились. — Но есть ещё один момент, который усложняет наше дело.

Поднимаю брови домиком: то есть всё, что он сейчас делал и говорил, — это ещё не сложности?

— Никто не видел тела Тимофея. Он пропал в море без вести, прошло полгода, но бывают непредвиденные обстоятельства — люди и с того света возвращаются. Может, Зина-

иде и правда известно немного больше и её слова о том, что сын жив, — не бред сумасшедшей старухи. Если он вернётся, ситуация станет близкой к трагической.

— Вернётся отец ребёнка — в чём же трагедия? — Он, видимо, ждал слёз: ведь произнёс страшную правду и напомнил о горе, а для нормальной любящей жены слова о смерти мужа стали бы триггером. Но я уловила нечто иное: он всерьёз опасается возвращения Тимофея. Неужели в таком случае Зинаида выиграет по всем статьям?

— Трагедия в том, что он, скорее всего, встанет на сторону матери, заберёт твоего ребёнка, и никто даже слова не скажет. Зинаида настроена решительно и сказала, что сын просил у неё прощения за этот брак.

— А потом всё бросил, сбежал на корабле за границу и там сгинул? Вам не кажется это полной нелепицей? Пожалуйста, не пытайтесь меня запугать. Я устала бояться. За полгода Тимофей десять раз мог отправить письмо мне или своей матери. Но не сделал этого. Увы, настоящий отец моего сына погиб.

— Тем лучше. Именно этих слов я от тебя и ждал. Тогда завтра в одиннадцать я пришлю карету, горничную и лакея. Советую забрать только личные вещи, а этот хлам оставь какой-нибудь другой несчастной женщине — такой, какой до этого момента была ты.

Тоже мне благодетель, осчастливил.

— Как прикажете, товарищ командир.

— В армии так не говорят. — Он вдруг подошёл ближе, приподнял моё лицо за подбородок и несколько секунд пристально всматривался мне в глаза, пока я не дёрнулась и не отступила на шаг.

— Прощайте…

— Не прощайте, а до завтра. Собирайся. И если ещё раз так на меня посмотришь, заберу прямо сейчас, как есть, в мокром платье. Ребёнка одного не оставляй, тем более с открытой дверью. Головой отвечаешь за моего сына.

Вздыхаю и молча запираю за ним дверь.

Неожиданная концовка самого заполошного дня. Мне бы лечь отдохнуть: завтра Даня проснётся очень рано, тогда можно и собраться до одиннадцати. Мелькнула шальная мысль сбежать, но Марк Юрьевич слишком хитёр: документы у него, а без них я — пустое место.

Чем больше думаю о случившемся, тем сильнее меня потряхивает. Поскорее прополаскиваю пелёнки, отжимаю и вешаю на верёвку. В комнатке спёртый, тяжёлый воздух, тесно, и, как бы я ни старалась, чистотой здесь и не пахнет. Теперь я и сама так же брезгливо огляделась и поняла, что ради здоровья и безопасности обязана принять помощь. Тем более что ни о какой романтике речи нет: на меня лично «дядя» и не посягает — по крайней мере, так он говорит. А вот от свекрови можно ожидать чего угодно.

Пытаясь успокоиться, возвращаюсь к коробкам в углу комнаты и собираю вещи, которые сегодня перебирала. Их

придётся взять с собой: хлам бесполезный, однако это память о Татьяне, и, скорее всего, я всё ещё упускаю что-то важное.

Сложила книги, открытки, декоративные цветы. Завязала коробку бечёвкой. Завтра останется только увязать платья в узел, собрать личное и отдать ключ экономке.

Даже улыбнулась.

Появилась мысль: а что, если нарядиться?

Единственное приличное платье висит на плечиках на той же верёвке, что и пелёнки. Повода надеть его не было, да и не хочу приехать в богатый дом совсем уж нищенкой.

К этому платью есть шляпка, слишком нарядная. Настя говорила, что её мне «подарил» Тимофей. По мне, так декора на ней чрезмерно много, но его можно убрать.

Вот больше глупой женщине и делать нечего, кроме как сесть при тусклом свете керосинки и откалывать лишние цветочки с милой шляпки с вуалью.

Но я достала круглую коробку, обклеенную красивой бумагой, развязала ленту-ручку и вынула прелестную шляпку Тани — самую дорогую из всех вещей, оставшихся от прошлой жизни. Посмотрела и решила, что не буду портить красоту. В этом мире принято носить клумбы на голове, так чем я хуже?

Примерила у зеркала, полюбовалась собой и поняла: както перебор.

— Нет, надеть эту шляпку у меня смелости не хватит.

Осторожно снимаю её, и в этот момент неудачно лежавшая на табуретке коробка упала на пол и, кажется, сломалась: декоративный картонный круг отвалился, обнажив изнанку крышки.

— Уф, не сломалась, просто развалилась. — Поднимаю её и застываю в глубочайшем изумлении. Под картонкой оказался тайник Татьяны — тот самый, который я всё это время искала. Но в нём не записка, способная пролить свет на её истинные отношения с мужем. Нет.

Я нашла банковский чек на моё имя на сумму в двести тридцать шесть тысяч рублей…

Это огромные деньги — почти четверть миллиона! Но откуда?

Глава 7. Попалась птичка

Руки дрожат от волнения. Всё это время богатство было рядом, а я едва сводила концы с концами…

Зажимаю рот ладонью и рассматриваю чек, не в силах поверить в удачу. Выписан он примерно через два месяца после свадьбы.

Это приданое? Нет, для приданого поздновато: его дают до венца, а не через два месяца после. Но откуда тогда? Что такого было у девочки, раз у неё появился такой чек?

— Твою ж налево! Она утаила этот чек от мужа.

Глаза у меня сейчас на лоб полезут.

Боже, Боже мой!

Мозг мгновенно выдал ужасную правду, а следом — ещё более жуткие предположения о том, что произошло.

По местным законам замужняя женщина не смеет распоряжаться чеками и чековыми книжками без разрешения мужа — только наличные или покупки под запись, а потом модистки присылают счета супругу.

Всё так запутанно — настоящее средневековье.

И самое страшное: а не стукнула ли Таня муженька сковородкой по голове и не скинула ли в Фонтанку после ссоры, когда он требовал отдать деньги, а она соврала, что чек потерялся или его украли?

Сажусь на стул посреди комнаты, смотрю на недоступное

богатство и не понимаю, что делать дальше. Но с такими деньгами я стану свободной, по-настоящему свободной. И никакая свекровь не сможет на меня надавить. Да никто не сможет. Осталось только дождаться, когда мужа объявят погибшим, — всего-то две недели…

Как обналичить эти деньги?

Вот вопрос, который волнует меня сейчас больше всего.

Второй вопрос: куда спрятать чек, чтобы его не забрал Марк?

Стоило вспомнить Марка, как я сразу встрепенулась. Поскорее укладываю шляпку с её непослушными лентами, закрываю коробку, а чек прячу в маленькую сумочку-кошелёк. Дождусь, когда «дядя» вернёт мои документы, поеду в банк и попробую разузнать хоть что-то.

Нужно ли говорить, что уснуть я не смогла: проворочалась в постели, несколько раз вставала к сыну и задремала только под утро.

А проснулись мы, когда в коридоре кто-то что-то уронил и грязно выругался. Подскакиваю, смотрю на часы: без четверти девять.

Даня тоже только открыл глазки.

— Ничего себе, ну мы с тобой и сони! Скорее завтракать, вынести воду, всё собрать…

А сама первым делом проверила чек: на месте, не приснился.

Суета закружила меня почти до одиннадцати, но всё уже

собрано. Я даже успела переговорить с экономкой, и она снова позволила себе ехидное замечание: мол, знаем мы этих дядюшек. Я только махнула рукой: бесполезно что-либо доказывать, если человек всех меряет по себе.

Внезапный стук заставил меня вздрогнуть, но из-за двери раздался голосок Насти:

— Танюша, открой!

— Ох! Ты же сегодня не собиралась. Что случилось?

Открываю и вижу зарёванное лицо подруги.

— Меня выгнали с работы. Тань, ну как так? Почему нам не везёт? — Её отчаяние чуть было не захлестнуло моё приподнятое настроение.

— Выгнали?

— Да. Я, видите ли, слишком тихо разговариваю и недостаточно усердно кланяюсь покупательницам. А на самом деле у хозяйки салона дела идут не очень, вот она и решила избавиться от нас — двух новеньких продавщиц.

— Слу-у-у-ушай! Тут такое дело…

Захожу издалека: не знаю, как бы ей поделикатнее объяснить, что случилось вчера вечером. И решаю начать с хорошего.

— Милая, слушай, я вчера нашла отличное место. Вот тебе адрес. — Тут же вывожу в маленькой записной книжке адрес, имя Клавдии Климовны и время собеседования. — Место няни, а ты чудесно управлялась с Даней. Это детский сад, оплата — от двадцати до сорока рублей в месяц, в зави-

симости от часов. Тихо, спокойно, и ты справишься.

Протягиваю подруге вырванный листок, и она смотрит на него примерно так же, как я вчера на чек.

— А как же ты? Вам бы это место подошло, я слышала про эти детские сады.

— Тут такое дело: свекровь на меня ополчилась и грозит отобрать сына.

— Таня, это ужасно! Ты решилась бежать? — Настя уже не поспевает за новостями: снова посмотрела на листок, на Даню, на меня.

— Нет. Марк Юрьевич, можно сказать, силой взял над нами опеку и забирает к себе в дом под присмотр, чтобы Зинаида Юрьевна не натравила на меня своих адвокатов. Ситуация хуже некуда: дядя вчера приходил, и сейчас за нами приедут его люди.

— Матерь Божья! Так ты возвращаешься в богатую жизнь?

— Возвращаюсь? А я там была?

— Тебе и правда память отбило! Говорила же тогда — вызови врача. Нет, ты побоялась, что нечем будет заплатить. А если бы померла?

Вздыхаю: пусть лучше она так и думает.

— Скажи, пожалуйста, обо мне хоть кто-нибудь что-нибудь знает? О той, прежней мне? Как мы познакомились с Тимофеем?

— Ты же говорила, что на вернисаже: ты увлекалась кар-

тинами, и там он к тебе подошёл. В Москве дело было. А мы с тобой познакомились уже в новой квартире, жили по соседству. Ты что, вообще ничего не помнишь? Или разыгрываешь меня?

Неудобно получилось. Я ей не говорила всей правды — о том, как однажды утром очнулась в этой ужасной комнате и, если бы не плач Дани, наверное, снова закрыла бы глаза и умерла. Но материнский инстинкт заставил меня встать, втянуться в повседневные заботы и по крупинке выведывать у Насти своё непростое прошлое. А она, оказывается, почти ничего и не знает. Вот так открытие! Я-то все эти месяцы считала её давней подругой Тани, хранительницей всех её тайн, а они, выходит, знакомы без году неделя.

— Да, это от сильного волнения. Видать, последствия эпидемии дают о себе знать. Просто не хотела тебя расстраивать.

— Ладно, как скажешь. Я обязательно схожу в это заведение и попрошу о месте.

Она взяла мою руку и по всем правилам «Жизни Джулии» прижала к своей груди, чтобы я ощутила, как тревожно бьётся её сердечко.

— Извинись за меня, скажи, что опекун ребёнка решил нас забрать. Но, будь моя воля, я бы непременно там работала. Кстати, мой новый адрес — «Дом Агеева».

— Да, ты говорила. Желаю тебе удачи. Может быть, этот дядя не такой уж плохой человек.

— Очень на это надеюсь. Ты меня навестишь? Ой, вот,

держи от меня подарок. Это единственная ценная вещь, но я вроде как вдова, мне такие яркие шляпки носить нельзя.

И поскорее всучила подруге картонку со шляпкой, чтобы не передумать.

В этот момент в дверь деликатно постучали.

— Татьяна Алексеевна, я за вами. — Приятный женский голос заставил нас с Настей ещё раз торопливо обняться, и я открыла.

— Добрый день. Меня зовут Светлана, я ваша горничная. Мы с Николаем сейчас отнесём вещи, а потом вы спуститесь. На улице ветер…

— Да, конечно, вот мои вещи. Всё, что в центре комнаты, можно уносить, тут немного.

Показываю своё скудное добро, понимая, что в новой квартире эти вещи, скорее всего, вообще не нужны. Но выбросить память о настоящей Татьяне рука не поднялась.

— Танюша, я пока с Даней у кареты попрощаюсь, а ты отнеси ключ экономке. — Картонка со шляпкой висит у Насти на локте; она уверенно подхватила Даню, поцеловала в щёчку и пошла вниз. А я ещё раз оглядела комнату, заперла её и вдруг услышала с лестницы громкие голоса.

— Сударыня, мы ищем женщину с ребёнком, Татьяну Ромашину. У нас требование родной бабушки, Зинаиды Юрьевны, забрать мальчика. Покажите ваши документы.

В который раз за эти дни сердце ушло в пятки и замерло от ужаса. Настя попалась в силки адвокатов свекрови: сейчас

они отберут Даню, и никакой «дядя» не поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.